

Сергей Пугачёв
материя стихов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРКАТ»

Сергей Пугачев

Чёрный бархат. Материя стихов

«Издательские решения»

Пугачев С.

Чёрный бархат. Материя стихов / С. Пугачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963195-4

Тень пробегает по моему лицу. Я счастлив. Я мог быть безжизненной планетой, камнем, заросшей тропой или пустующим домом. Я мог быть кем угодно и чем угодно с этим ощущением непричастности. Время утекает, струится, огибая меня. Я глыба, я негибаемый утес, и счастьем никогда не поглотить и не сдвинуть меня с места. Эта работа — попытка осмысления автором своего места в потоке современной поэзии.

ISBN 978-5-44-963195-4

© Пугачев С.
© Издательские решения

Содержание

Чёрный бархат	7
Предвкушение Питера	9
«Где-то в тёмных закоулках...»	10
«Сто раз давал себе зарок...»	11
Полнолуние	12
Сумеречный час	13
Странники	14
Приёмник	15
Комната	16
Искра	17
Улитка	18
Водочерпий	19
«Унылая пора...»	20
Желания	21
Иногда	23
Матрёшка сна	24
Кхалиси	25
Вертеп	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чёрный бархат Материя стихов

Сергей Пугачев

Редактор Сергей Анатольевич Смирнов

Дизайнер обложки Сергей Анатольевич Смирнов

© Сергей Пугачев, 2019

© Сергей Анатольевич Смирнов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-3195-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знойный полдень. В открытые окна входит вселенная, я чувствую, как теплый ветер волнует призрачную тюль. Сквозь полуприкрытые веки вижу, как она танцует, путается, на миг замирает и снова начинает кружиться. Тень пробегает по моему лицу. Я счастлив. Я мог быть безжизненной планетой, камнем, заросшей тропой или пустующим домом. Я мог быть кем угодно и чем угодно с этим ощущением непричастности. Время утекает, струится, огибая меня. Я глыба, я негнибаемый утес и счастьем никогда не поглотить и не сдвинуть меня с места. За окном деликатные насекомые полупешотом ведут свои разговоры, коротая вечность. Когда-то я мог путешествовать между мирами и не знать счёта времени, а теперь я семилетний мальчик. Нездешний ветер пробежался по страницам открытой книги, моим кудрям, тронул оперение деревянной птицы, пытаюсь разбудить ее, сорвать с нитки и увлечь за собой в лесной бор, который виднелся за поросшим зелёной курганом. Птица встрепенулась, но не поддалась. Он ещё раз прошелестел по комнате, перевернул страницу и выпорхнул из окна. Первозданная недвижимость, абсолютная тишина и отрешённость – ни звуков, ни запахов ни мыслей. Это пробуждение.

Чёрный бархат

Медным плугом вечер вспахан.
Горизонт мрачнее вдов.
Ночь кидает чёрный бархат
На скопление городов.

Жирной сажей мажет дыры
От бесчисленных огней,
Поглотив ориентиры
Жизни скомканной моей.

Но звезды кивок прощальный
Успеваю разглядеть.
Окропит опочивальню
Догорающая медь.

И на дне зрачка остынет,
И сольётся с чернотой:
Крот воспрянет, крот воспримет,
Крот созреет жизнью той.

Вслед за ним золой и прахом
Излечусь и стану зряч.
Чёрный ворон в чёрный бархат.
Метку чёрную не прячь.

Предоставь мне выбор грешный:
Жизнь без горя или дар.
И тогда из тьмы кромешной
Он ответит: Никогда!

Он черней, чем чёрный бархат,
Сингулярности черней,
Пригласит меня на плаху —
В пустоту, где нет теней.

Я ступлю на берег бездны
И свершится приговор —
В чёрном бархате исчезну
До сих пор...

P.S.

Ты не пей вина Гертруда...
Жизнь сплошная чехарда-
Переход из ниоткуда

В никуда.

Предвкушение Питера

Хочу отпить от Питера
Дыхания столичного:
Немного для развития,
Немного для величия.

Пока делиться не с кем мне
Мечтами перезрелыми,
Брожу мостами Невскими
Как тень ночами белыми.

Пускаюсь вслед за ряженным,
Безликим аниматором
И становлюсь заряженным,
Но не Монмартра мантрами,

А Северной Венеции
Болот электролитами,
Где сфинксы стали нецкэми
Свинцом эпох залитые.

Мне предстоит, наверное,
Тобою испытание:
Уединенье – скверами,
Разоблаченье – тайнами.

Ботинки дней расхаживать
По переулкам вычурным.
Тебя мне Эрмитажем ведь
Не заменить, не вычеркнуть.

Я чувствую, я верую
Придёт конец скитаниям.
И на твою галеру я
Взойду в гранитном пламени.

«Где-то в тёмных закоулках...»

Где-то в тёмных закоулках
Старой дачи у реки
Спит изюм в засохшей булке,
Спят мокрицы и жуки.

На застиранных рубашках
Чахнут бледные цветы
И редее чёрный бархат
Недвижимой пустоты.

В недрах ветхого камина
Дремлет пепел и зола,
Ниспадая, паутина
Утомившись, прилегла.

Счастья, радости мгновенья
Будто бы погружены
В послевкусие глинтвейна,
В можжевеловые сны.

Не распустит нити солнце,
Не развеет дрёму сов,
Никогда не шелохнётся,
Рыжий маятник часов.

Только я под старым пледом
Холоднее тьмы и льда
Невидим, почти неведом
Здесь присутствую всегда.

«Сто раз давал себе зарок...»

Сто раз давал себе зарок
Среди мускатов и улиток
Глазурью вымученных строк
Не отягчать прозрачный свиток.

Жизнь вдохновенья коротка
Собьётся лёгкое дыханье
Любовь – заглавная строка
Не станет длинными стихами.

Сиюминутности восторг —
Одна единственная строчка.
Любовь кончается за точкой,
За повторяемостью строк.

Полнолуние

Не спится без снотворного —
Проклятая луна
Не до конца оторвана
От чёрного сукна.

И выгорая медленно,
Мне не даёт уснуть
То рыжевато медная,
То бледная как ртуть.

Унылыми глазницами
В меня обращена,
Безжалостно убийственна
Уже внутри она.

В зрачке больном укроется
До срока, до беды
И уксусом не смоются
Уже её следы.

И только день серебряный
Прервёт печальный вой.
Я пробираюсь дебрями
С отрепьями домой.

Не спится без снотворного
В безумии луны.
Кружат безмолвно вороны —
Оборванные сны.

Сумеречный час

Меня пленяет на пленэре
Вид неба в сумеречный час:
Оно, как будто, на пределе,
В нём смысл, как будто бы, угас.

Ни звёзд, ни солнца, только кляксы
Свинцово-чёрных облаков.
Я в этот час готов поклясться —
Что мир мой сумрачный таков.

Горчит заката сахар жжённый
И думы горечью полны,
А ночь выплёвывает жёлудь
Ещё не вызревшей луны.

В душе рукой шершавой шарит
Опустошающая мгла,
А я по кругу полушарий,
Скитаюсь в поисках угла.

Ряды сомнамбул поредели,
Закатный свет давно зачах.
Один я в этой акварели
Размазан в сумрачных лучах.

Странники

Ты дальний потомок Чичерина,
Она прапраправнучка Моцарта,
Но род не имеет значения
У этой Вселенной без возраста.

Мы все не из местного племени,
Когда-то небесные отпрыски,
Находимся время от времени
Мы здесь в неоплаченном отпуске.

Сражаемся с местными троллями,
Влюбляемся в сны непорочные,
Друг с другом меняемся ролями,
Телами и штучками прочими.

Эвклидом ли нам предначертано,
Гадалкой ли, в карты упёртою,
Встречаемся с правнучкой Черчилля
И внуком Рамзеса Четвёртого.

Любуемся истово зорями,
Громя мракобесье неистово
Всегда не разлучные трое мы
Как троица пастырей исстари.

У этой Вселенной нет имени.
За космоса дальнего дымкою
Пройдём инфракрасными ливнями
И станем опять невидимками.

Приёмник

В полях неземной материи —
Где Шамбалы нежен шёлк,
Казался себе потерянным,
Но кто-то меня нашёл.

Призвал оголтелой лирою,
Души заглушив шум.
С тех пор он судьбу транслирует,
А я лишь за ним пишу.

Не надо уже стараться мне.
Небес собирать улов.
Причудливые комбинации
Выходят из нот и слов.

Но зреет покуда замысел,
Закупоренный в слова,
Хочу поделиться с вами всем,
Что он мне надиктовал.

Комната

Что происходит в комнате
когда нас долго нет?
Не сдвинуты, не тронуты
предметы на столе?

И вещи, что оставили
небрежно, впопыхах,
покоятся усталые
все на своих местах?

Кто может прикоснуться к ним
Когда нет рядом вас?
Всё замерло в отсутствие
движенья, взглядов, фраз.

Покой в житейском омуте,
в пространствах простыне.
Что обитает в комнате,
Когда вы долго вне?

Не поздно ли опомниться?
Всё ль неизменно тут?
Часы не остановятся,
обратно не пойдут?

Не пробежит по струнам ли
неведомый сквозняк?
Не выступит ли рунами
на стенах тайный знак?

Что происходит, знаете,
в запутанных углах?
Откуда эти наледи
на бледных зеркалах?

Как будто бы дыхание,
Пришедшее извне,
застыло трепыханием
в безликой кривизне.

На улице вы вспомните,
что не погашен свет...
Что происходит в комнате,
которой больше нет?

Искра

Будет день, а значит, будет пища —
Это слабое, конечно, утешенье
Хищнику, который в роще рыщет
То ловцом являясь, то мишенью.

Но с тропы свернувшим путь неведом,
И заблудших вряд ли кто отыщет.
Мы обсудим это за обедом.
Будет день, а значит, будет пища.

Платье ты надень своё в горошек,
Заплети тугие косы-плети.
Говорить мы будем о хорошем:
О любви, о музыке, о детях.

Думаю об этом каждый день я.
Временем же счастье не измеришь.
Только ты не веришь в совпадения,
Как в мою любовь к тебе, не веришь.

Будет день, а значит, будет пища.
Листья опадают не красиво.
Сердце отыскрилось в пепелище,
И уже любовь не воскресило.

Верю я, друг друга мы отыщем
Методом заоблачного сыска.
Будет день, а значит, будет пища!
Будет ночь, а значит, будет искра!

Улитка

В тиши, в листве от зноя прячась
Она со временем в борьбе —
Не то своих стесняясь качеств,
Не то секрет храня в себе.

Но заблудившись в закоулках
Другой галактики она
Из перламутровой шкатулки
Для новой длительной прогулки
Уже полуобнажена.

Блестит её ракушки скальпель
И режет воздух солнца блик,
Срывая с листьев пару капель
На обезвоженный язык.

Так утолив нектаром жажду
К себе вернётся. Взаперти
Век проведет, чтобы однажды
Возникнуть снова на пути.

Водочерпий

За пределами тонкого мира
В равновесии жизнь-коромысло,
Только бледная ночь обрамила
Пустотою все проблески смысла.

В глубине временного колодца
Сокровенное слово таится.
Не встревожится, не шелохнётся
Обездвиженной бездны водица.

Дремлют в омуте чёрные черви —
Слуги немочи и отторженья
И глядит молодой водочерпий
Сверху вниз на своё отраженье.

.....
Мой наставник земной неразборчив,
Заковырист, упрям, но теперь я
Направляюсь из разнорабочих
К водочерпию сам в подмастерья.

Должен я у него научиться
Подчинять вдохновению разум,
Перекраивать в музыку числа,
Сопрягать в окончаниях фразы.

Мне экзамен финальный намечен
Накануне Ивана Купала
К Рождеству Иоанна Предтечи
Посреди прошлогоднего пала.

Оказался экзамен не труден:
Сквозь огонь, по воде, а в финале
Звонкой медью прославили трубы
Перед тем как меня распинали.

И подолгу пустыми ночами,
Постигая скупую природу,
Я черпал без конца и начала
Обречённую чёрную воду.

Время сумерек – отдых вечерний.
Завтра требует вновь продолженья
И глядит сверху вниз водочерпий,
Но уже на моё отраженье.

«Унылая пора...»

Уже вода в немых озёрах стынет
И на ветру багряный лист дрожит.
Мне вороньё успело опостылеть,
Над чёрной пашней каркая, кружит.

Не радуют беспечные забавы,
Замедлилась дневная карусель.
Лежит паром забытой переправы,
Как старый кит, наткнувшийся на мель.

И тянутся безмолвно вереницы
Усталых птиц в неведомую даль,
И смута безотчётная роится
В душе моей, похожей на печаль.

Чего мне ждать, к чему стремиться ныне?
Я как мираж в уныния пустыне.

Желания

Такие же звезды,
Такая же темень
И кажется поздно
Быть с теми и с теми.

Поют соловьи
Под цветенье акаций.
Желанья твои
Не спешат исполняться.

Не будет сомнений,
Не будет симпатий.
Подъем без ступеней
Любовь без объятий.

Мгновенье лови,
Зажимай между пальцев.
Желанья твои
Не спешат исполняться.

Уже подтянулись
Отставшие сзади,
Уже встрепенулись
Другие в засаде.

И стало в пути
Безудержно икаться.
Желанья твои
Не спешат исполняться.

Тропинка из плена
Известна не многим.
Сверни постепенно
С мощённой дороги.

От всех утай
Маршрут навигаций.
Желанья твои
Не спешат исполняться.

Преклонишь однажды
Смиренно колено.
Есть чуткие стражи
У каждой вселенной.

Твори не твори
Будет все повторяться.
Желанья твои
Не спешат исполняться.

Бессмертную душу
Меняй на госзнаки.
Все самое лучшее
Сгинет во мраке.

Эдем не нашли
Сотни вражеских станций.
Желанья твои
Не спешат исполняться.

Такие же звезды,
Такая же темень
И ржавые гвозди
В оставленном теле.

Закутана в бархат
Пустая душа
Желанья твои
Никуда не спешат.

Иногда

День чудесен, ярок, звонок,
Отлетает только от
Барабанных перепонок
Звуковой круговорот.

Слышу рыб переговоры,
Тел небесных трескотню,
Вдох и выдох острой шпоры
В бок усталому коню.

Плач зародыша в утробе,
Медь далёких похорон,
Задремавшего в сугробе
Толи песню, толи стон.

Неизлитую молитву
Из потрескавшихся губ,
Окровавленную бритву
И ещё какой-то гул...

День прекрасен, ясен, тонок,
В арфе слиты провода...
Так случается спросонок,
Иногда.

Матрёшка сна

Есть сон, у которого нет завершения
Он длится и длится как душный июль.
Ты в центре его раскалённой мишени
За все прегрешенья под тяжестью пуль.

На помощь спешат всех миров неотложки
Надежды сирен глушат медь похорон...
На дне многоликой гигантской матрёшки
Ты выйдешь из сна в промежуточный сон.

Кхалиси

На одном конце мира я,
Ну а ты на другом.
Неизбежная, милая
На вершине твой дом.

На вершине заснеженной,
Где открыт небосвод.
Непреклонная, нежная
Ты стоишь у ворот.

Из-за облачной пристани
Сквозь метелей вуаль
Смотришь долго и пристально
В одичалую даль.

В пустоту нелюдимую
Где крадущийся мрак,
Где пленяет любимого
Синеокий мертвяк.

В неизбежном ненастие
Гибнут все, кто любим
Города и династии
Превращаются в дым.

Мир, погрязший в неверности
Летописцу – творцу
Приближается медленно
К ледяному концу.

Не на том конце мира я,
Или в мире не том.
Не моё имя милая
Шепчет чувственным ртом.

Вертеп

Где тянут щупальца кальяны
К обезображенным губам,
Где от текилы воздух пьяный
Перегружает ропот в гам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.